УДК 343

Конституционно-правовое, уголовно-правовое, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное и иное регулирование: вопросы взаимосвязи (часть 1)

Андрей Петрович Скиба
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия, apskiba@mail.ru, SPIN-код: 7422-9870

Аннотация. Дается краткий сравнительный анализ ряда норм Конституции Российской Федерации, а также Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Делается вывод, что конституционный подход о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора, по-иному реализован вышеуказанный конституционный подход в уголовно-исполнительном, уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Аналогичная ситуация выявлена с конституционным правом каждого человека обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, а также с запретом лишения гражданства России ее гражданина, избрания и быть избранными лицами, содержащимися в местах лишения свободы по приговору суда. Формулируется вывод, что недостатки законодательства требуют продолжения комплексного переосмысления конституционно-правового и отраслевого регулирования различных вопросов, в том числе при исполнении уголовных наказаний.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, обращение в межгосударственные органы, лишение гражданства, исполнение наказаний, осужденные

Для цитирования: Скиба А.П. Конституционно-правовое, уголовно-правовое, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное и иное регулирование: вопросы взаимосвязи (часть 1) // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 15–21.

Constitutional, criminal, criminal-executive, criminal-procedural and other regulation: issues of interconnection (part 1)

Andrey P. Skiba
SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia, apskiba@mail.ru, SPIN: 7422-9870

Abstract. Provides a brief comparative analysis of a number of provisions of the Constitution of the Russian Federation, as well as the Penal Code of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The article concludes that the constitutional approach, which states that the generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation are an integral part of its legal system, and that if an international treaty of the Russian Federation establishes different rules than those provided for by law, then the rules of the international treaty shall apply, is differently implemented in the penal, criminal, and criminal procedure legislation. A similar situation has been identified with regard to the constitutional right of every individual to appeal to interstate bodies for the protection of human rights and freedoms,

© Скиба А.П., 2026

if all available domestic legal remedies have been exhausted, as well as with regard to the prohibition of deprivation of Russian citizenship, election, and being elected.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, norms of international law, international treaties of the Russian Federation, appeal to interstate bodies, deprivation of citizenship, execution of sentences, convicts

For citation: Skiba A.P. Constitutional, criminal, criminal-executive, criminal-procedural and other regulation: issues of interconnection (part 1) // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 15–21.

Основы уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иных отраслей права традиционно закреплены на конституционном уровне. Более того, в ст. 71 Конституции Российской Федерации[1] прямо предусмотрено, что уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, амнистия и помилование, процессуальное законодательство и т.д. находятся в ведении Российской Федерации (то есть федерального уровня – прим. авт.).

Конституция Российской Федерации содержит достаточно большое количество норм, как напрямую определяющих те или иные положения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства (в данной статье преимущественно будет сделан акцент на этих отраслях – прим. авт.), так и имеющих опосредованное значение в области применения наказаний.

Между тем не всегда конституционно-правовое и отраслевое регулирование надлежаще взаимосвязано, и даже имеют место коллизии законодательства [1, с. 57–61; 2; 3, с. 325–340; 4, с. 69–78; 5, с. 81–85; 6, с. 165–167; 7, с. 67–77] (несмотря на то, что Конституция Российской Федерации обладает высшей юридической силой, прямое действие и применяется на всей территории нашей страны, а законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 15) – прим. авт.).

В этой связи затронем отдельные проблемы взаимосвязи конституционно-правового, уголовно-правового, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иного регулирования (акцент будет сделан на положениях нормативных правовых актов Российской Федерации и безотносительно изучения судебной практики, в том числе Конституционного суда Российской Федерации – прим. авт.).

Во-первых, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Положение ч. 2 ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации[2] (УИК РФ) дублирует данный конституционный стандарт в части приоритета международных договоров перед национальным законодательством; аналогичная ситуация прослеживается в ч. 3 ст. 11 и ч. 2 ст. 12 Уголовного кодекса Российской Федерации[3] (УК РФ), а также в ч. 3 ст. 1 и ч. 1 ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[4] (УПК РФ).

В то же время содержание рассматриваемого конституционного положения влечет появление, например, таких вопросов: имеют ли «приоритет» нормы

[1] Конституция Рос. Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовно-исполнительный кодекс Рос. Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г., с изм. от 17 дек. 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2025 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 20 янв. 2026 г.). Доступ из справ.-правового портала «Гарант».

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2025 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 20 янв. 2026 г.). Доступ из справ.-правового портала «Гарант».

международного права перед национальными законами наравне с международными договорами Российской Федерации; вышеуказанное распространяется только на уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное и иное отраслевое национальное законодательство или включает также конституционный уровень (особенно в случае установления прямой коллизии положений конкретного международного документа и Конституции Российской Федерации – прим. авт.); нормы международного права насколько являются (не-)обязательными к исполнению на территории Российской Федерации и т.д.

Рассматриваемые сомнения также исходят из положений некоторых международных документов: Минимальных стандартных правил в отношении обращения с заключенными («Правил Нельсона Манделы»)[5], принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г., Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинских правил»)[6], принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 г., и пр. В таких международных документах недвусмысленно предусмотрено, что они реализуются на территории соответствующих стран с учетом их экономических, социальных и иных условий (вероятно, это предполагает условную возможность государств не применять в полном объеме данные международные требования – прим. авт.).

Получается, что ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации выглядит более императивной, нежели положения самих международных документов, что вряд ли логично.

Продолжая критическое восприятие вышеизложенного, заметим, что в большей степени соответствует смыслу международных документов, нежели Конституции Российской Федерации, позиция, предусмотренная в ч. 4 ст. 3 УИК РФ, о том, что рекомендации/декларации международных организаций (не относящиеся к международным договорам, согласно Федеральному закону от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»[7] (далее – ФЗ № 101-ФЗ) – прим. авт.)) относительно исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей. В этом случае фактически российский уголовно-исполнительный закон в ч. 4 ст. 3 закрепляет аналогично международным документам ООН условное право отказа от обязательного исполнения в нашей стране положений международного права, предусмотренных в виде рекомендаций/деклараций международных организаций.

В российском уголовном законе также имеется ряд положений, способствующих формированию альтернативного взгляда на рассматриваемый конституционный подход. В частности, ч. 3 ст. 12 УК РФ гласит о «приоритете» не только международных договоров, но также документов международного характера (без уточнения, что под этим понимается – прим. авт.) при рассмотрении вопроса об уголовной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства. В этом случае в уголовном законодательстве за счет «документов международного характера» (хотя данный термин отсутствует в ФЗ № 101-ФЗ – прим. авт.) возрастает по сравнению с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации перечень международных актов, имеющих безусловное преимущество перед национальными актами.

---

[5] Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными («Правила Нельсона Манделы») приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 дек. 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[6] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») приняты Генеральной Ассамблеей ООН 40/33 от 10 дек. 1985 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[7] О международных договорах Российской Федерации: Федер. закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Небезынтересна в этом контексте также ч. 3 ст. 1 УПК РФ, согласно которой не допускается применение правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации. Получается, что уголовно-процессуальный закон предусматривает дополнительное условие реализации конституционного положения о приоритете международного договора перед российским законодательством в виде отсутствия противоречия международного положения самой норме российского Основного закона.

Таким образом, очевидно, что отраслевое законодательство в некоторой степени «корректирует» подход, изложенный на конституционном уровне, о безусловном приоритете исключительно международных договоров перед российскими законами.

Во-вторых, в вышеуказанном контексте также вызывает интерес ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации, закрепляющая право каждого лица обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека на основе международных договоров Российской Федерации, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Данная модель определяет, что обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека дозволяется исключительно после надлежащего взаимодействия лица со всеми соответствующими судебными и иными инстанциями в нашей стране. Рассматриваемый конституционный подход представляется вполне логичным и обоснованным, поскольку ориентирует граждан России на всестороннюю защиту своих прав и свобод в первую очередь через взаимодействие с органами прокуратуры, судебными инстанциями и иными российскими государственными организациями.

В то же время в ч. 4 ст. 12 УИК РФ отсутствует вышеуказанное конституционное требование в виде обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, в результате чего осужденным предоставляется безусловное право обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами к администрации учреждения или органа, исполняющего наказания, в вышестоящие органы управления учреждениями и органами, исполняющими наказания, суд, органы прокуратуры, другие государственные органы, в общественные наблюдательные комиссии, общественные объединения, а также в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека. Более того, согласно ч. 4 ст. 15 УИК РФ такие предложения, заявления, ходатайства и жалобы осужденных цензуре не подлежат (что, к слову, не позволяет администрации учреждения, исполняющего наказание, всесторонне учитывать соблюдение положения ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации – прим. авт.).

Представляется, что позиция, отраженная в уголовно-исполнительном законе, вряд ли является обоснованной и фактически позволяет осужденным, игнорируя отечественную систему обеспечения прав и свобод человека, сразу обращаться в межгосударственные органы.

В-третьих, в ст. 6 Конституции Российской Федерации, посвященной вопросам гражданства, предусмотрено, что гражданин России не может быть лишен своего гражданства (ч. 3).

Данное положение вполне логично в контексте того, что совершение общественно опасного деяния, запрещенного УК РФ под угрозой наказания, являющегося мерой государственного принуждения, назначаемой по приговору суда лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключающейся в лишении или ограничении прав и свобод этого лица в целях восстановления социальной справедливости, его исправления и предупреждения совершения новых преступлений, не должно автоматически влечь лишение его гражданства Российской Федерации. Между тем некоторые преступления, такие как государственная измена, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, вооруженный

мятеж, диверсия, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, организация экстремистского сообщества и пр., предусмотренные в ст. 275, 279, 281, 282.1 и др. УК РФ, по меньшей мере свидетельствуют о крайне негативном отношении лица, его совершившего, к самому государству и его институтам. Представляется, что совершение подобных преступлений теоретически может рассматриваться как основание для рассмотрения вопроса о лишении гражданства Российской Федерации такого осужденного.

В УИК РФ вопрос о лишении/изменении гражданства осужденного не затрагивается. Аналогичная ситуация имеет место и в УПК РФ в отношении подозреваемого и обвиняемого (к слову, обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным, согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ – прим. авт.).

В то же время согласно ст. 22, 24, 26 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»[8] (далее – ФЗ № 138-Ф) гражданство Российской Федерации прекращается, помимо прочего, при сообщении заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации, выразившееся в том числе:

– если гражданин Российской Федерации приобрел гражданство нашей страны на основании федерального конституционного закона, международного договора Российской Федерации или приема в гражданство Российской Федерации и совершил одно из преступлений (осуществил приготовление к преступлению или покушение на преступление), предусмотренных ст. (или их частями) 131, 134, 135, 186, 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207.3, 208, 209, 210, 210.1, 211, 212, 212.1, 222, 222.1, 222.2, 223.1, 226, 226.1, 228, 228.1, 229, 229.1, 230, 239, 243.4, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 280.1, 280.2, 280.3, 281, 281.1, 281.2, 281.3, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 283, 284.1, 284.2, 295, 317, 328, 329, 330.1, 338, 339, 354, 354.1 и 361 УК РФ либо сопряженных с осуществлением террористической или экстремистской деятельности и предусмотренных ст. 318, 360 УК РФ, независимо от времени совершения соответствующего преступления, даты вынесения приговора суда об осуждении лица за совершение соответствующего преступления и даты принятия решения о приеме в гражданство Российской Федерации;

– если гражданин Российской Федерации, приобретший гражданство на основании федерального конституционного закона, международного договора Российской Федерации или приема в гражданство Российской Федерации, совершил действия, создающие угрозу национальной безопасности по заключению органов федеральной службы безопасности.

Положения ФЗ № 138-ФЗ все же предусматривают прекращение гражданства Российской Федерации в случае совершения преступлений и иных правонарушений, несмотря на конституционную норму (в данном случае не затрагивается вопрос о (не-)тождественности понятий «лишение» или «прекращение» – прим. авт.).

Кроме того, положение ч. 4 ст. 23 ФЗ № 138-ФЗ о том, что выход из гражданства Российской Федерации не допускается, если, помимо прочего, лицо привлечено в качестве обвиняемого по уголовному делу либо в отношении его имеется вступивший в законную силу и подлежащий исполнению обвинительный приговор суда (то есть он уже осужденный – прим. автора), заставляет задуматься, почему в указанной норме закона не упомянут подозреваемый, статус которого не идентичен обвиняемому по уголовно-процессуальному законодательству. Не понятно, в данном случае речь идет о неточности положения ФЗ № 138-ФЗ либо все же о потенциальной возможности рассмотрения вопроса о лишении российского гражданства лица, являющегося подозреваемым, основы процессуального статуса которого предусмотрены в ст. 46 УПК РФ?

Таким образом, конституционное положение, закрепляющее, что гражданин России не может быть лишен своего гражданства, возможно, требует своего

[8] О гражданстве Российской Федерации: Федер. закон от 28 апр. 2023 г. № 138-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

переосмысления ввиду совершения им определенных видов общественно опасных деяний.

В-четвертых, согласно ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

При всей логичности данной позиции возникает вопрос о том, какие же конкретно учреждения следует относить к «местам лишения свободы» (в данном случае не обсуждается вопрос о (не-)правильности/корректности использования данного термина в Основном законе страны – прим. авт.). В уголовном законе, на котором традиционно «базируется» уголовно-исполнительное законодательство, данный вопрос не решен, и условно используются как тождественные такие термины: «место лишения свободы» (ст. 18 УК РФ), «исправительное учреждение» (ст. 58 УК РФ) и т.д. Похожая ситуация – в уголовно-исполнительном законе, где, например, в ст. 173 УИК РФ «Установление административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы» одновременно используются понятия «место лишения свободы» (чч. 1, 2, 4 и 5), «место отбывания наказания» (ч. 1) и «исправительное учреждение» (чч. 3, 4 и 5), а также в УПК РФ, когда в ч. 21.1 ст. 42 «Потерпевший» также с одинаковым смыслом используются обозначения в виде «исправительное учреждение», «учреждение, исполняющее наказание в виде лишения свободы», «место отбывания наказания» и «место лишения свободы».

Вне зависимости от применения того или иного термина, в законодательстве также отсутствует унифицированное понимание того, что же относить к соответствующему учреждению (месту), предназначенному для содержания осужденного к лишению свободы. Так, согласно ч. 1 ст. 56 УК РФ лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму (сразу отмечаем отсутствие здесь, например, лечебно-профилактических учреждений или воспитательных колоний – прим. авт.). Иной подход закреплен в ч. 9 ст. 16 УИК РФ, согласно которой наказание в виде лишения свободы исполняется колонией-поселением, воспитательной колонией, лечебным исправительным учреждением, исправительной колонией общего, строгого или особого режима либо тюрьмой, а также следственным изолятором.

Более общепринятый подход к перечню учреждений (мест), предназначенных для содержания осужденных к лишению свободы, представлен исправительными учреждениями, указанными в ст. 74 УИК РФ: колониями-поселениями, исправительными колониями общего режима, исправительными колониями строгого режима, исправительными колониями особого режима, воспитательными колониями, тюрьмами, лечебными исправительными учреждениями, а также следственными изоляторами, выполняющими функции исправительных учреждений в отношении отдельных категорий осужденных (ч. 1). В то же время в ч. 8 ст. 74 УИК РФ также обозначены лечебно-профилактические учреждения, которые «выполняют функции исправительных учреждений в отношении находящихся в них осужденных» (по всей видимости, их также можно причислять к исправительным учреждениям или местам лишения свободы – прим. авт.).

Однако в ч. 7 ст. 76 УИК РФ также говорится о транзитно-пересыльных пунктах, создаваемых для временного содержания осужденных, следующих к месту отбывания наказания либо перемещаемых из одного места отбывания наказания в другое, при исправительных учреждениях и следственных изоляторах. Это положение уголовно-исполнительного закона также заставляет задаться вопросом о том, насколько транзитно-пересыльные пункты будут относиться к «местам лишения свободы», которые указаны в ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, представляется, что вышеуказанные и иные подобные недостатки законодательства требуют продолжения комплексного переосмысления

конституционно-правового и отраслевого регулирования различных вопросов, в том числе при исполнении уголовных наказаний.

Список источников

1. Антипов А.Н., Строгович Ю.Н. Предваряя решение конституционного суда // Ius Publicum et Privatum. 2021. № 2(12). С. 57–61.

2. Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий): монография / под общ. ред. А.А. Крымова; под науч. ред. А.П. Скибы. 3-е изд., испр. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018.

3. Кудрявцева Е.П. Проблемы правоприменительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2016. № S1. С. 325–340.

4. Кузнецова Н.Ф., Огурцов Н.А. О соотношении международного и внутреннего уголовного права // Законодательство. 2007. № 5. С. 69–78.

5. Скиба А.П. Положения международных документов и российское законодательство: некоторые проблемы взаимосвязи конституционно-правового, уголовно-исполнительного и иного регулирования // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. в 2 ч. СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2025. Ч. 1. С. 81–85.

6. Содиков Ш.Д. Проблемы несоблюдения равноправия участников уголовного процесса // Образование и право. 2018. № 12. С. 165–167.

7. Феоктистов М.В. Международно-правовые основы уголовного законодательства Российской Федерации // Лоббирование в законодательстве. 2024. Т. 3. № 2. С. 67–77.

References

1. Antipov A.N., Strogovich Yu.N. Predvaryaya reshenie konstitucionnogo suda // Ius Publicum et Privatum. 2021. № 2(12). S. 57–61.

2. Kollizii zakonodatel'stva Rossii i ryada stran (kratkij nauchnyj kommentarij): monografiya / pod obshch. red. A.A. Krymova; pod nauch. red. A.P. Skiby. 3-e izd., ispr. i dop. M.: YUNITI-DANA, 2018.

3. Kudryavceva E.P. Problemy pravoprimenitel'noj deyatel'nosti v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva // Rossijskoe pravosudie. 2016. № S1. S. 325–340.

4. Kuznecova N.F., Ogurcov N.A. O sootnoshenii mezhdunarodnogo i vnutrennego ugolovnogo prava // Zakonodatel'stvo. 2007. № 5. S. 69–78.

5. Skiba A.P. Polozheniya mezhdunarodnyh dokumentov i rossijskoe zakonodatel'stvo: nekotorye problemy vzaimosvyazi konstitucionno-pravovogo, ugolovno-ispolnitel'nogo i inogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. v 2 ch. SPb.: Sankt-Peterburgskaya akademiya Sledstvennogo komiteta, 2025. Ch. 1. S. 81–85.

6. Sodikov Sh.D. Problemy nesoblyudeniya ravnopraviya uchastnikov ugolovnogo processa // Obrazovanie i pravo. 2018. № 12. S. 165–167.

7. Feoktistov M.V. Mezhdunarodno-pravovye osnovy ugolovnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii // Lobbirovanie v zakonodatel'stve. 2024. T. 3. № 2. S. 67–77.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.
The article was submitted 16.01.2026; approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Информация об авторе
А.П. Скиба – доктор юридических наук, профессор, декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96).

Information about the author
A.P. Skiba – Doctor of Law, Professor, dean of the Faculty of Scientific and Pedagogical Staff Training and Organization of Research work of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96).